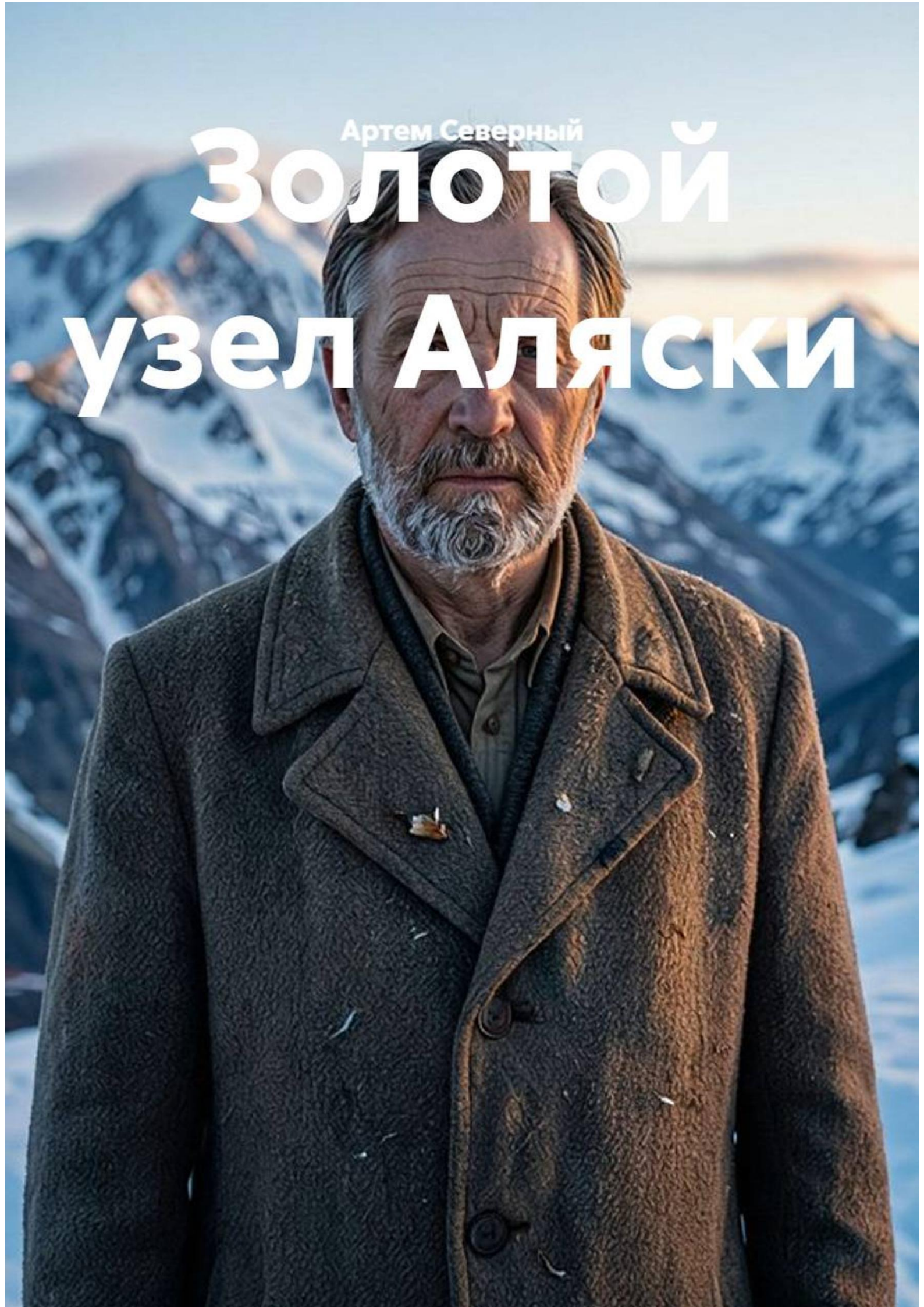

Артем Северный

Золотой узел Аляски

Артем Северный

Золотой узел Аляски

«Автор»

2026

Северный А.

Золотой узел Аляски / А. Северный — «Автор», 2026

«Золотой узел Аляски» — глубокая психологическая повесть о цене человеческих иллюзий и разрушительной силе жадности. В центре сюжета — сорокатрехлетний петербургский чиновник Федор Павлович, который в разгар золотой лихорадки 1897 года бросает сытую, размеренную жизнь в столице ради призрачного богатства Аляски. Пройдя через ледяной ад Чилкутского перевала, цингу, взрыв парового бойлера и вероломное предательство американских напарников, герой выковывает в себе звериную волю к жизни. Но добравшись до заветного золота Клондайка, он осознает, что «желтый дьявол» забрал у него самое главное — его собственную душу. Это хроника страшной метаморфозы интеллигента, превратившегося в жесткого хищника фронта, и его мучительного возвращения к истокам человечности.

© Северный А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Пролог	7
Глава 1. Полумрак на Васильевском	8
Глава 2. Архитектура комфорта против зова глуши	10
Глава 3. Прощание с гранитными берегами	12
Глава 4. Шок Нового Света: От европейского лоска к дощатым баракам	14
Часть II. Зов Клондай	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Артем Северный

Золотой узел Аляски

Содержание

Часть I. От берегов Невы к ледяным каньонам: Бегство из цивилизации

Глава 1. Полумрак на Васильевском. Встреча Федора Павловича с Артемом Северным в его петербургской квартире спустя много лет. Контраст между теплом камина, видом на заснеженную Неву и выжженной душой гостя. Начало исповеди.

Глава 2. Архитектура комфорта против зова глуши. Воспоминания сорокатрехлетнего Федора о его сытой, размеренной жизни в столице. Внутренний кризис «критического возраста»: страх перед угасанием и внезапно вспыхнувшая, иррациональная страсть к далекому американскому золоту.

Глава 3. Прощание с гранитными берегами. *[Психологический надлом]* Тяжелый разрыв с прежним окружением. Продажа имущества, косые взгляды петербургского общества, считающего Федора сумасшедшим. Последняя ночь на Дворцовой набережной перед отправкой в неизвестность.

Глава 4. Шок Нового Света: От европейского лоска к дощатым баракам. Долгий путь через океан и прибытие на американскую землю. Психологический удар от столкновения петербургского интеллигента с грубым, грязным мирком портовых городов, где человеческая жизнь ничего не стоит.

Часть II. Зов Клондайка: В объятиях желтого дьявола

Глава 5. Скагуэй — ворота в ад. Портовый хаос зарубежной Аляски, крики погонщиков и первый привкус безумия. Формирование артели и роковая встреча с американскими компаньонами — братьями МакКенна.

Глава 6. Чилкутский перевал: Лестница из льда. Преодоление человеческих возможностей. Человек, никогда не носивший ничего тяжелее трости, вынужден тащить на себе тонну обязательного снаряжения через обледенелый вертикальный гребень.

Глава 7. Озера смерти и плоты надежды. *[Сюжетный поворот]* Крушение самодельного плота на озере Беннетт. Потеря трети припасов и первое проявление истинного, звериного лица напарников в экстремальной ситуации.

Часть III. Белое безмолвие и мертвый металл

Глава 8. Долина забытого страха. Обустройство лагеря на заветном прииске «Эльдорадо-Бонд». Описание суровой, беспощадной природы Аляски, которая не прощает ошибок.

Глава 9. Лихорадка в крови. Первые крупные крупницы золота на дне лотка. Как ломается личность Федора Павловича: переход от трезвого расчета к слепой, изнуряющей жадности. Петербургские идеалы блекнут перед блеском самородков.

Глава 10. Полярный капкан. Приход зимы. Морозы за сорок, замерзающие заживо птицы и полная изоляция от всего цивилизованного мира.

Глава 11. Цинговый барак. *[Тяжелое испытание]* Недостаток провизии и тяжелая болезнь, косящая артель. Федор Павлович оказывается на грани жизни и смерти, спасаясь лишь благодаря совету местного индейца-проводника из племени тлинкитов.

Часть IV. Скрежет промерзшей земли: Технический ад

Глава 12. Паровая утопия. Установка тяжелого оборудования — американского бойлера для оттаивания вечной мерзлоты. Тяжелейший, изматывающий ручной труд по доставке многопудового железного котла в глухую тайгу.

Глава 13. Взрыв на ручье. *[Сюжетный поворот]* Критическая поломка: из-за замерзшей в трубках воды взрывается котел паровой установки. Тяжелые ожоги Федора, уничтожение промывочного шлюза и крах надежд на легкий сезон.

Глава 14. Война за запчасти. Отчаянное одиночное путешествие Федора Павловича в Доусон в сорокаградусный мороз ради покупки нового клапана и труб. Спекуляция, черные рынки, предательский холод и отчаяние.

Часть V. Игра с судьбой: Предательство и закон тайги

Глава 15. Нож в спину. *[Сюжетный поворот]* Возвращение Федора на прииск с новыми деталями. Братья МакКенна, воспользовавшись его отсутствием и слабостью, переписали права на участок на подставное лицо через коррумпированного американского судью.

Глава 16. Суд Линча или закон Юкона. Ночное противостояние в занесенной снегом избушке. Федор Павлович лицом к лицу с оружием бывших друзей. Спор на грани фола, где ставкой становится жизнь.

Глава 17. Шаг за черту. Одиночное выживание Федора в жестокой метели после того, как его силой выставили с прииска. Игра на выживание с самой судьбой, где главным врагом становится собственное безумие.

Часть VI. Цена намытого счастья

Глава 18. Золото мертвецов. *[Сюжетный поворот]* Случайное обнаружение старой заброшенной шахты-шурфа, которая приносит Федору Павлову баснословное богатство, но забирает последние крупинки его душевного покоя.

Глава 19. Оттепель в душе. Весенний паводок, который смывает следы былых битв на прииске. Осознание истинной ценности человеческой жизни и возвращение рассудка.

Глава 20. Дорога к Артему. Как Федор Павлович покинул Аляску с тяжелым саквояжем и еще более тяжелым сердцем. Подведение итогов: что осталось от золота и что осталось от человека.

Эпилог. Последний уголек в камине. Рассвет в комнате Артема Северного на Васильевском острове. Финал долгой ночи воспоминаний. Ответ на вопрос, зачем Федор принес и оставил на столе своего друга одну-единственную, самую дорогую золотую крупинку.

Пролог

Окна квартиры Артема Северного на Васильевском острове выходили на серую, скованную рваным мартовским льдом Неву. В комнате пахло хорошим табаком, сухими книжными переплетами и крепким чаем. На часах было далеко за полночь, но сон не шёл: напротив Артема, в глубоком кожаном кресле, сидел человек, которого петербургское общество еще семь лет назад заочно отпело и вычеркнуло из списков живых.

Федору Павловичу было сорок три года, но выглядел он на добрый десяток лет старше. Прежний утонченный петербуржец, завсегдатай столичных салонов и знаток европейской живописи, исчез. Перед Артемом сидел чужак с огрубевшим, обожженным безжалостным полярным солнцем и морозом лицом. На его ладонях, когда-то не знавших ничего тяжелее трости или фарфоровой чашки, теперь чернели глубокие, намертво въевшиеся шрамы — следы грубого металла, таежных топоров и ледяной крошки. Его выдавали глаза: лихорадочно блестящие, глубоко запавшие, они смотрели не на Артема, а куда-то сквозь него, в туманное, страшное прошлое.

На лакированном дубовом столе, между фарфоровым чайником и хрустальной пепельницей, лежал грубый холщовый мешочек. Он казался чужеродным телом в этом изящном интерьере. Федор Павлович медленно развязал грязный шнурок, запустил внутрь узловатые пальцы и вытащил на свет крупную, угловатую крупицу. Металл тускло и тяжело блеснул в полумраке комнаты.

— Ты смотришь на нее и видишь богатство, Артем, — глухо, сорванным на полярных ветрах голосом произнес Федор Павлович, пододвигая крупицу ближе к другу. — А я вижу пот, замерзшую кровь и скрежет промерзшей земли, которая не хотела отдавать нам свое чрево. Знаешь, каково это — когда сталь бойлера лопается от сорокаградусного мороза, а американские напарники смотрят на тебя сквозь прицел винчестера? Я расскажу тебе, как пахнет настоящее безумие. Слушай.

Глава 1. Полумрак на Васильевском

Маятник старинных напольных часов в углу кабинета отбивал секунды с тяжелым, маслянистым стуком. В тишине петербургской ночи этот звук казался шагами кого-то невидимого, терпеливо ждущего за дверью. Шёл третий час пополуночи. За высокими окнами квартиры Артема Северного расстилался серый, окутанный колючей мартовской изморосью Васильевский остров. Нева внизу лежала неподвижной глыбой, скованная грязным, растрескавшимся у берегов льдом.

Артем стоял у окна, грея пальцы о фарфоровую чашку с давно остывшим чаем. Он не оборачивался, но кожей чувствовал присутствие человека, сидевшего в глубине комнаты.

Когда час назад в прихожей раздался резкий, нетерпеливый звонок, Артем ожидал увидеть кого угодно: рассыльного из издательства, подгулявшего коллегу-архитектора или квартильного. Но на пороге стоял призрак. На нем было тяжелое, пахнущее псиной и чужим дегтем пальто из грубого сукна, а из-под надвинутой на лоб помятой шляпы смотрели глаза, которые Артем не надеялся увидеть снова в этой жизни.

— Живой, значит... — не оборачиваясь, негромко произнес Артем. Глухой звук собственного колышущегося голоса показался ему чужим. — А в клубе говорили, что тебя зарезали в каком-то притоне под Сиэтлом. Года три назад пришла весть. Отпели тебя, Федя. Матушка твоя, покойница, так и ушла, уверенная, что кости твои волки в канадских лесах гложут.

Человек в кресле не шелохнулся. Он сидел, глубоко откинувшись на кожаную спинку, и его массивный, угловатый силуэт совершенно не вязался с изящной карельской березой мебели и тонкими обоями в полоску.

— Пусть говорили, — отозвался Федор Павлович. Голос его изменился сильнее всего: исчезла прежняя петербургская округлость гласных, легкая, чуть небрежная светская хрипотца. Теперь он говорил так, словно камни ворочал во рту — сухо, надсадно, с какими-то резкими, лающими интонациями человека, привыкшего перекрикивать полярную бурю. — Для того мира, Артемка, я и вправду умер. Еще там, на Чилкуте, когда пальцы к топоричу примерзали.

Артем наконец повернулся и подошел к столу. При ярком свете настольной лампы под зеленым абажуром метаморфоза, произошедшая с его другом, выглядела пугающе.

Перед ним сидел сорокатрехлетний мужчина, но лицо его было изрыто глубокими, как каньоны, морщинами. Кожа, некогда холеная, белая, теперь отливала странным, дубленным пергаментным цветом — следствие беспощадного полярного солнца, отраженного от бесконечных снегов, и злого, секущего ветра. На щеке, прямо под левым глазом, белел неровный, рваный шрам — так оставляет след сорвавшийся стальной трос или осколок промерзшего камня.

Но страшнее всего были его руки. Федор Павлович положил их на сукно стола, и Артем невольно отвел взгляд. Широкие, узловатые ладони, покрытые вьевшейся в поры черной грязью, которую, казалось, не смыть уже никаким мылом. Ногти были обломаны и изуродованы, а на тыльной стороне правой кисти виднелся багровый, глянцевый след от старого тяжелого ожога. Эти руки принадлежали каторжнику, чернорабочему, безумцу — но только не бывшему помощнику столоначальника Департамента уделов.

— Зачем ты вернулся? — тихо спросил Артем, садясь напротив. — Столько лет ни строчки. Ты ведь знал, что здесь осталось.

Федор Павлович медленно, словно преодолевая сопротивление застоявшихся суставов, потянулся к внутреннему карману пальто. Извлек оттуда небольшой, туго перетянутый кожаным шнурком мешочек из суровой парусины. Ткань была покрыта бурыми пятнами — не то старой ржавчины, не то засохшей крови.

С глухим, неестественно тяжелым стуком мешочек опустился на лакированную поверхность стола, заставив звякнуть чайную ложечку в чашке.

— Я вернулся, потому что долг привез, — Федор Павлович криво усмехнулся, и эта улыбка больше походила на оскал. — Помнишь, перед моим отъездом, в девяносто седьмом, ты одолжил мне триста рублей? Сказал тогда: «Пропадешь, Федька, ни за грош пропадешь в своей зарубежной Аляске».

Он развязал узел. Пальцы его, несмотря на грубость, действовали удивительно ловко. Запустив руку внутрь, он вытащил и положил на сукно крупный, продолговатый кусок металла размером с дикую сливу.

В полумраке кабинета, под зеленым светом лампы, самородок не заблестел привычным, ювелирным блеском. Он был тусклым, грязновато-желтым, с налипшими в мелких трещинах крупными кварца и серого речного песка. Но от него исходила какая-то первобытная, пугающая тяжесть.

— Вот они, твои триста рублей, Артем. С процентами, — Федор Павлович пододвинул самородок пальцем к другу. — Смотри на него. Трогай. Это то, ради чего люди глотали пыль на дорогах, жрали тухлую солонину и стреляли друг другу в затылок. Золото Клондайка. Настоящее.

Артем не прикоснулся к металлу. Он смотрел на друга, чувствуя, как из угла комнаты, от этих изуродованных рук и этого мертвого камня, веет ледяным, чужим сквозняком.

— Ты светишься весь, когда говоришь о нем, — подметил Артем. — До сих пор болен?

Федор Павлович поднял взгляд, и Артему на секунду показалось, что в глубине этих расширенных зрачков отразилось белое, бескрайнее полярное небо.

— Эта лихорадка, брат, не проходит, — тихо, почти шепотом сказал Федор. — Она в кости въедается, как таежная сырость. Я за этим камнем на край земли шел. Я видел, как ломаются люди, которые в Петербурге считались кремнями. Я видел, как паровая машина, железный наш котел, от мороза взлетает на воздух, хороня под осколками последние надежды. Я в упор смотрел в стволы американских винтовок, когда компаньоны решили, что русскому не место на Юконе. Садись удобнее, Артем. Ночь долгая. Я расскажу тебе, как пахнет золото, когда оно смешано с замерзшим потом и человеческой глупостью.

Глава 2. Архитектура комфорта против зова глуши

Федор Павлович откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. На мгновение показалось, что он уснул, истощенный собственным внезапным явлением, но тяжелое, мерное дыхание выдавало напряженную работу памяти. Артем не торопил его. Он молча подлил в чашки свежего крепкого чая, от которого в прохладном воздухе кабинета потянулись тонкие струйки пара.

— Знаешь, Артем, — заговорил Федор, не открывая глаз, и голос его снова зазвучал тише, обретая едва уловимые интонации прежнего, петербургского слога. — Самое страшное — это не когда вокруг тебя сорок градусов мороза и воют волки. Самое страшное — это когда вокруг тебя абсолютный, нерушимый, удушающий комфорт.

Он открыл глаза и обвел взглядом комнату: корешки книг в кожаных переплетах, изящные фарфоровые безделушки на каминной полке, тяжелые портьеры, отсекающие сырую петербургскую ночь.

— В тот год, в девяносто седьмом, мне исполнилось сорок три, — продолжил Федор, уставившись на тусклый самородок. — Прекрасный возраст для чиновника Департамента уделов, не находишь? Жалованье регулярное, чин надворного советника на подходе, квартира на Мойке с видом на конюшни — теплая, сухая, обставленная со вкусом. Каждое утро к девяти часам я шел на службу. Мой стол был завален аккуратными стопками бумаг: отчеты о казенных лесах, прошения, циркуляры. Я знал наперед, что произойдет в моей жизни через месяц, через год, через пять лет. По вторникам — визит к кухне на Литейный, по четвергам — ресторан Донона или Кюба, по воскресеньям — обед у матушки.

Федор Павлович горько усмехнулся и потер искалеченной ладонью лоб, словно пытаясь стереть из памяти те картины.

— И вдруг меня начала душить эта упорядоченность. Я смотрел в зеркало на свою начинающую редеть шевелюру, на аккуратный пробор, на безупречно накрахмаленный воротничок-стойку — и видел мертвеца. Человека, который так и умрет, не узнав, каков мир на самом деле, за пределами этой гранитной набережной и министерских коридоров. Петербург ведь очень странный город, Артем. Он строгий, геометрически правильный, холодный. Он обещает тебе безопасность в обмен на твою душу. И ты отдаешь ее, день за днем, подписывая бесконечные ведомости.

Он подался вперед, опираясь локтями о стол. В зеленых отсветах лампы его лицо казалось маской древнего идола.

— А потом в столицу пришли газеты из Гамбурга и Нью-Йорка. Лето девяносто седьмого года было душным, грозovým. И в этой духоте вспыхнуло слово: *Клондайк*. Поначалу это казалось глупой шуткой, бульварной сенсацией для развлечения публики. «Тонны золота», «Индийские реки, полные драгоценного песка», «Новое Эльдorado на Аляске». Наш брат-чиновник посмеивался над этими заметками в кондитерской Вольфа, утирая усы после кофе. А я не мог спать.

Федор Павлович протянул руку и едва заметно коснулся самородка кончиком мизинца.

— Ночами я открывал атлас. Находил эту тонкую, едва заметную черту, где заканчивалась Российская империя и начиналась чужая, американская земля. Дикая, неисследованная Аляска. Территория, которую когда-то продали за ненадобностью, как бесплодную ледяную пустыню. И вдруг эта пустыня ожила. Из нее потекли пароходы, осевшие в воду по самую ватерлинию от тяжести золотых слитков. В Сиэтле и Сан-Франциско люди сходили с ума, бросали лавки, суды, заводы и бежали на север.

— И ты решил бежать вместе с ними? — не выдержал Артем. — Из-за газетных статей? Бросить службу, положение, имя?

— Не сразу, — качнул головой Федор. — О, я долго боролся. Месяца два я вел себя как примерный сумасшедший, пытающийся казаться здоровым. Я усерднее прежнего скрипел пером, бывал в свете, даже подумывал посвататься к Софиньке Мещерской — помнишь ее, ангельское создание с вечным запахом лаванды? Но внутри меня уже поселился червь. Червь сорокатрехлетнего кризиса, когда мужчина понимает: либо сейчас он делает шаг в пропасть, либо навсегда остается гнить в своем теплом болоте.

Федор Павлович замолчал, прислушиваясь к гулу ветра за окном. Нева глухо ухала под льдинами.

— Роковым стал вечер в конце августа, — тихо произнес он. — Я возвращался от матушки. Был туман, настоящий петербургский туман, когда не видно собственных пальцев. Я стоял на Николаевском мосту и смотрел на воду. И вдруг отчетливо понял: если я завтра снова приду в Департамент, я прямо там, за столом, сойду с ума. Зарубежная Аляска стала для меня не просто местом на карте. Она стала символом абсолютной, дикой, первобытной свободы. Свободы от чинов, от вежливости, от предсказуемой старости. Я хотел доказать себе, что под этим суконным сюртуком еще бьется сердце живого мужчины, способного выдержать удар судьбы.

Он поднял на Артема тяжелый, воспаленный взгляд.

— На следующий день я подал прошение об отставке « по расстроенному здоровью ». Начальник департамента посмотрел на меня как на умалишенного, но бумагу подписал. Родственники впали в истерику. Матушка слегла с мигренью. Меня вычеркнули из приличных домов за неделю. Все решили, что я либо проигрался в карты, либо ввязался в политическую аферу. Никто, слышишь, Артем, никто в этом промерзшем гранитном городе не мог поверить, что человек может добровольно уехать на край света просто ради того, чтобы почувствовать себя живым. А золото... золото тогда казалось лишь приятным приложением к этому безумию. Я еще не знал, что желтый дьявол умеет забирать душу гораздо чище, чем любой петербургский департамент.

Глава 3. Прощание с гранитными берегами

Продажа имущества у сорокатрехлетнего надворного советника заняла меньше недели. Петербург, так долго строивший вокруг Федора Павловича декорации стабильности, теперь избавлялся от него с брезгливой поспешностью. Оценщики из лавок на Гостином дворе приходили в его квартиру на Мойке ранним утром, когда туман еще лежал на воде тяжелым сизым сукном. Они переворачивали венские стулья, стучали по декам немецкого фортепиано, придирчиво разглядывали столовое серебро с фамильными вензелями.

За бесценок уходило всё, что составляло плоть его прежней, петербургской жизни. Картины в тяжелых рамах, коллекция французских вин, подшивные журналы, суконные сюртуки, шитые золотом мундиры — всё то, что раньше казалось незыблемым, превратилось в стопку хрустящих, новеньких кредитных билетов.

Общество отвернулось от него с молниеносной жестокостью, на какую способен только оскорбленный в своих устоях Петербург. Бывшие коллеги по Департаменту уделов при встрече на Большой Морской вдруг принимались с чрезвычайным интересом разглядывать вывески магазинов или противоположную сторону улицы. Для них человек, добровольно ломающий карьеру ради призрачных слухов на американской границе, сделался опасным сумасшедшим, политическим заговорщиком или, что хуже всего, банкротом.

Последний визит к Софийке Мещерской окончательно подвел черту под его петербургским прошлым. Ее матушка, баронесса, даже непустила Федора в гостиную. Он так и остался стоять в полумраке передней, среди запахов дорогого мыла и согретых шуб. Она вышла к нему сама — бледная, с заплаканными глазами, пахнущая неизменной лавандой.

— Это правда, Федор Павлович? — спросила она тихо, удерживая пальцами кружевной платок. — Вы... вы уезжаете в эту дикую Америку? К дикарям и каторжникам? За золотом?

— Правда, Софья Николаевна, — ответил он, держа шляпу в руках и впервые чувствуя себя бесконечно чужим в этом цивилизованном, теплом доме. — Мне нужно идти.

— Какое безумие... — она покачала головой, и в ее глазах Федор увидел не столько жалость, сколько глубокое, искреннее непонимание. — Искать грязь в земле, когда здесь у вас есть всё. Вы губите себя. Нас губите.

Она ушла, не подав руки, и шлейф ее шелкового платья шуршал по паркету, как сухие осенние листья. Выйдя на улицу, Федор Павлович глубоко вдохнул сырой, пахнущий гарью и речной гнилью воздух и понял: мосты сожжены.

Последнюю ночь в Петербурге он провел на Дворцовой набережной. У него больше не было дома — лишь два тяжелых кожаных чемодана, оставленных в камере хранения на Николаевском вокзале, да плотный пояс с деньгами, застегнутый на голом теле.

Сентябрьская ночь была холодной. Черная вода Невы катилась к заливу, отражая редкие, дрожащие огоньки масляных фонарей. На той стороне реки мрачной, исполинской массой высилась Петропавловская крепость. Шпиль ее уходил в низкие, рваные тучи, словно грозя небу стальной иглой.

Федор Павлович шел вдоль гранитных парапетов, и шаги его гулко разносились в пустом пространстве набережной. Он смотрел на Зимний дворец, на строгие линии Сената, на Эрмитаж — и чувствовал, как гранит этого города давит ему на грудь. Петербург казался ему гигантским, прекрасно отлаженным часовым механизмом, в котором каждый человек — лишь маленькая, стирающаяся от времени шестеренка.

«Прощай, — думал он, глядя на темные окна министерских зданий. — Прощай, моя безопасность. Прощай, моя сытая, предсказуемая старость».

Он остановился у самого спуска к воде, там, где гранитные ступени уходили в темную, лениво плещущуюся волну. Из тумана, со стороны Васильевского острова, донесся протяж-

ный, глухой гудок уходящего парохода. Этот звук показался Федору Павловичу зовом из другого мира — дикого, пугающего, но подлинного.

На мгновение его охватил леденящий, животный страх. Ему было сорок три года. В этом возрасте люди не начинают жизнь заново на другом конце земли. В этом возрасте люди берегут здоровье, копят на похороны и ценят покой. Что, если Мещерские правы? Что, если он действительно сошел с ума? Что, если там, за океаном, его ждет лишь позорная, безвестная гибель в какой-нибудь безымянной канаве?

Федор Павлович запустил руку в карман сюртука и нащупал там маленькую серебряную табакерку — последнюю памятную вещь, которую он не стал продавать. Пальцы его дрожали от холода и нервного истощения. Но он сжал серебро так крепко, что острые углы врезались в кожу.

— Нет, — произнес он вслух, обращаясь к безмолвной реке. — Лучше сдохнуть в ледяной пустыне, чем доживать свой век живым трупом на Мойке.

Когда над городом начал заниматься бледный, водянистый петербургский рассвет, окрашивая купол Исаакия в грязно-розовый цвет, Федор Павлович уже сидел в прокуренном вагоне третьего класса, увозившем его к порту. За окном проплывали унылые пригороды, чахлые березки и серые болотца. Он смотрел вперед, туда, где за бескрайними верстами суши и океана его ждала чужая, ледяная, золотая Аляска.

Глава 4. Шок Нового Света: От европейского лоска к дощатым баракам

После трех недель удушливого корабельного трюма, пахнущего мокрой ржавчиной, тухлой капустой и дешевым табаком сотен таких же искателей приключений, зарубежная Аляска встретила Федора Павловича не величием ледников, а оглушительным, яростным хаосом. Портовый городок Скагуэй в конце осени 1897 года походил на огромный, взбаламученный муравейник, выстроенный прямо в жидкой грязи на стыке ледяного океана и неприступных скал.

Когда Федор сошел по шатким деревянным сходням на берег, его утонченные петербургские чувства подверглись настоящему насилию. Здесь не было и следа европейской строгости, к которой он привык на Васильевском острове. Вместо гранитных набережных — хлипкие дощатые тротуары, под которыми хлюпало зловонное месиво из конского навоза, речных наносов и бытовых отходов. Вместо чинных извозчиков — ревушие матом погонщики, пытавшиеся удержать перегруженных мулов, дикие крики зазывал, шум топоров и непрекращающийся, давящий на уши стук молотков: город строился на ходу, прямо на глазах.

Бывший надворный советник стоял посреди этой орущей толпы, сжимая в руках свои тяжелые кожаные чемоданы. На нем все еще был приличный петербургский сюртук, который здесь, среди людей в брезентовых штормовках, грязных шерстяных куртках и тяжелых засаленных сапогах, выглядел нелепо и даже вызывающе. На него смотрели с ухмылкой. В глазах местных дельцов и портовых бродяг он был идеальной жертвой — «чечако», зеленым новичком, которого можно обобрать до нитки.

— Эй, мистер! Проваливай с дороги, если не хочешь, чтобы тебя раздавили эти чертовы ящики! — рывкнул ему в самое ухо дюжий бородач, тащивший на плече огромный тюк с мукой.

Федор Павлович отшатнулся, едва не поскользнувшись на мокрой доске, и внутри у него все сжалось. Это был первый, самый болезненный психологический удар. В Петербурге его статус, его вежливый слог и аккуратный пробор открывали перед ним двери канцелярий и салонов. Здесь, на пороге Клондайка, его сорок три года жизни, его образование и чины превратились в абсолютное ничто. Он был лишь еще одним ртом, еще одним куском пушечного мяса для золотой лихорадки.

Вечером он попытался найти ночлег. Единственная гостиница, собранная из сырых, сочащихся смолой сосновых досок, встретила его запахом дешевого виски, пота и жареного сала. За крошечную каморку с топчаном, набитым сухой соломой, с него содрали сумасшедшие деньги — пять долларов золотом.

— Постельное белье? — переспросил усатый одноглазый трактирщик, сплевывая табачную жвачку прямо на земляной пол за стойкой. — Парень, ты, кажется, перепутал Аляску с Парижем. Радуйся, если к утру крысы не отгрызут твои петербургские пуговицы. Заворачивайся в пальто и спи, пока свободное место есть. На твою койку в очереди еще трое стоят.

Федор поднялся в свою каморку, запер хлипкую дверь на задвижку и сел на край топчана. Сквозь щели в полу снизу доносился дикий хохот, звон стаканов, ругань на непонятном, быстром английском диалекте и бряцание расстроенного пианино. Ночные сумерки Аляски были холодными, сырыми. Сквозь щели в стене дул пронизывающий полярный ветер, несущий с гор запах близкого снега.

Он посмотрел на свои руки — пока еще белые, с аккуратными ногтями. Достал из кармана серебряную табакерку, открыл ее и долго смотрел на внутреннюю гравировку. Ему стало до ужаса, до физической тошноты страшно. Гранитный, понятный Петербург остался где-то на другом конце планеты, в другой, навсегда потерянной жизни. А здесь, перед лицом этого грязного, жестокого, первобытного мира Нового Света, он был абсолютно один. Ему предстояло

либо сломаться и с позором вернуться назад, потратив последние деньги на обратный билет, либо принять правила этой грязной игры.

На следующее утро Федор Павлович вышел к причалам уже в другой одежде. Он купил у уличного торговца тяжелую шерстяную рубаху в клетку, грубые брезентовые штаны и подбитые железом сапоги. Свой петербургский сюртук он просто оставил на топчане. Именно в этот день, у палаточных складов на окраине Скагуэя, судьба столкнула его с людьми, которые определяют весь его дальнейший путь, — суровыми братьями МакКенна, искавшими третьего дольщика в артель, способного внести деньги на закупку тонны обязательного снаряжения. Федор Павлович сделал свой первый шаг к Чилкутскому перевалу.

Часть II. Зов Клондай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.